Накануне своего дня рождения умер Валентин Григорьевич Распутин, замкнулось золотое кольцо жизни вечной-бесконечной. Он сошёл в землю, но дух его, но образ его будет долго жить средь нас, освобождаясь от плотских примет и земной обыденной шелухи. Человек живёт, пока его помнят. Мне кажется, что я помню Распутина с младенчества. Хотя Валентин старше меня на три года, но, как воспринимаю его нынче, он стал нянькою над моей литературной колыбелью и постоянно надзирал меня, не приближаясь близко, но и не отодвигаясь совсем, чтобы я случайно не заблудился, не вильнул с русской стрежи в тихую гавань национального беспамятства. То и дело напоминал о себе: то заметкою о моём творчестве, то коротким, но ёмким анализом литературного стиля, хотя близости дружеской не было, не было и тех сокровенных разговоров, которые возникают меж родными по духу людьми. Распутин был и на расстоянии от меня, но и возле, его обращение ко мне как бы постоянно висело в воздухе, но я не признавался себе в этом, ибо внутренне мы были едины, но натурою в полную противоположность. И потому мы не стремились к дружбе. Он не искрил, не полыхал гневом в споре, я не видал его разгоряченным, — это была сама тихость, ибо вся сердечная работа происходила внутри, недосягаемая для посторонних. Внутри себя он и горел, и взрывался, и сокрушался, наверное, рыдал в минуты отчаяния, но так, чтобы слёз его никто не видел, не присутствовал при его минутной человеческой слабости, которая, конечно же, случается с каждым; кого-то он презирал, кого-то особенно ненавидел (врагов отечества). Это был сложный внутренний человек, боящийся внешним необязательным словом расплескать энергию, словно бы Распутин знал её количество, данное судьбой, и не хотел истратить прежде назначенного срока.

Распутин был хранителем тайны и сам — тайна. Кстати, удивительное качество было у Валентина — жить вроде бы в самой гуще событий, участвовать в них внешне, но взгляд его был чаще полуопущен и странно задумчив, словно бы он постоянно решал трудноисполнимые задачи, которые преследовали его. Но, я думаю, что так никто и не узнал его, что это был за человек. Он шёл по жизни не-

торопливой поступью, как некий посланец небес, и старался не показывать свою земную суть. Вот он ушёл, поклонник Матери-сырой земли, дитя Богородицы, и мало, наверное, кто, а может быть, даже и никто уже не сможет распечатать его истинное обличие, так мало он оставил свидетельств о себе внутреннем. Он и свою-то жизнь практически не запечатлел, свою глубину страданий и личных страстей, которые тоже обуревали его, как поэтическую личность. Ему даже слов-то не хотелось тратить на себя, считая всю внешнюю славу, поклоны и почитания чем-то вызывающе лишним, ненужным, относящимся к какому-то другому человеку, его двойнику, но не к нему. Многое из русской жизни он запечатлел: создал характеры, судьбы, драму Русской земли, а себя забыл, иль оставил между строк.

Каким-то образом в литературном направлении «почвенников», писателей от земли из самого «низа», он вдруг оказался, несмотря на молодость, тем самым буксиром, который тянул писательский караван по бурной стремнине для совершения промыслительных задач для будущей России. Это направление неслучайно возникло в России в конце шестидесятых. Нужно было разрешить корневой вопрос национального бытия, о который мы споткнулись в дни «гнилой оттепели». Надо пробудить русского человека, чтобы он проснулся после двухсотлетнего сна и понял, что он русского племени во всех его особенностях, чтобы вспомнил себя, полузабытого. Нас сотни лет, начиная с Петра Первого, заставляли забыть, что есть русский человек, что у него за нутро такое странное, в чём его задачи, русского человека. Произошло онемение нации, внутреннее обнищание и забывание себя. Но главное искривление души случилось в городском мещанстве, чиновничестве и «образованцах», что жадно глядели на Запад, дожидаясь именно оттуда манны небесной. Они не хотели замечать простеца-человека, который их поит-кормит, презирали его, полагали крестьянина за быдло, за несовершенство, за какую-то немощь чёрную, отчего-то бытующую на земле и мешающую прогрессу и просвещению. Это такое было состояние определённой породы людей, заражённых гуманизмом.

Но вдруг свежим ветром потянуло по Руси. Появились Абрамов, Носов, Солоухин, Балашов, вспомнили Шергина, что-то необычное шелохнулось внутри русской души. Горожанину стало думно, вдруг захотелось узнать себя, свои корни, почему русский народ победил в страшной войне с диаволом, в чём его качество, что за особенность его и тайна. Орда варягов и дикарей шла на Русь, и эта Русь самодовольную, сытую Орду поставила на колени. И как требование нации появились произведения Белова, Астафьева, Лихоносова, Дмитрия Балашова, Казакова. Распутин в этой когорте казался вроде бы замыкающим. И вдруг он почему-то оказался во главе отряда «почвенников», как бы стал за атаманца, проповедника. А ведь ещё молоденький совсем. И все, главное, признали совершенство стиля, глубину пророческого ума. Слух о Распутине прошёл по всей России. Ему внимали, им любовались, в его работы вчитывались, как в святые письмена. Это удивительно, конечно.

Хотя мы почти ровесники с Распутиным, он на три года меня старше, но у меня ощущение, что я его с младенчества знаю. Когда я сделал первые шаткие шаги в литературе, слышал в себе тягу к писательству, он уже был знаменитым. Я был ещё неразвитым дитём в литературной повозке, а он-то уже сидел на облучке. А ведь было почти бездорожье, ухабы, раскаты, в колёса охочие до принудиловки вставляли палки. Шолохов был ещё жив, но страшно одинок, либеральная трясина подползала к самым Вешкам, чтобы проглотить гения; и как вовремя появи-

лись Белов, Распутин и Астафьев, встали под его державную руку и подхватили русское начало во всей глубине.

Помню, как ездили гуртом по окраинам России, — Карелия, Мурманская область и так далее, целая орда русских почвенников-писателей. Белов, Астафьев, Балашов, Залыгин, Бондаренко, Крупин. Много было доброго народа. В том числе и я к ним пристал. Я помню, как народ спешил взглянуть на гостей из столицы. Как будто какие-то сверхлюди прибыли и надо непременно посмотреть, выслушать Распутина. Удивительно, как народ тогда стремительно просвещался духовно, просыпался в национальном чувстве после долгого опойного сна. Залы были забиты битком, сидели на полу, на подоконниках, стояли в коридорах, в фойе, только чтобы поймать вдохновенное слово, которое непременно изменит такую затрапезную унылую жизнь…

Распутин был носителем, утвердителем сверхзадачи писателя, для которой он является в мир. Он полагал, что если литератор взялся за перо, он невольно становится путеводителем, маяком, светильником, вожатаем, ибо в русской литературе, как заведено от века, писатель несёт в себе не только нравственное начало, но и учительское. И так до сих пор… Хотя церкви и возрождены, но до сих пор писатель играет роль учителя, священника, философа и пророка. Этой задачи у русского писателя никто не отнимал. Он всё равно должен нести на себе этот крест.

Как раз Распутин вмещал в себе, нёс все эти Божьи наставления. Он был и учителем, и ясновидцем, он и страдальцем, и крест, который он водрузил на себя, был тяжек. Он был посвящённым человеком — пострадать за русский народ. Труды его — это покаянные молитвы, взывания к совести и небесам. Народ понимал и слушал его, внимая. Распутин писал учительно, выводя каждую буковку бисерным почерком, который даже трудно было разглядеть; вот так же неторопливо, вслушиваясь в себя, говорил в микрофон, вывязывал слова в строчку, словно боялся сказать что-то лишнее, промахнуться в мыслях. Я всегда удивлялся, слушая Валентина, как он верно складывает слова, сколько они несут внутренней мысли, как эта мысль бьётся, вырываясь на простор из темницы.

Так и письмо Распутина трудно разъять, настолько крепко, точно пригнаны слово к слову, как кирпич к кирпичу в старинной монастырской кладке, куда лезвие бритвы не просунуть.

Прежде я отрицал какую-то учительную роль Астафьева, Белова, Распутина, но на самом-то деле я вырос как литератор именно на их учительных книгах, на «Привычном деле» Белова, «Последнем поклоне» Астафьева и «Последнем сроке» Распутина. Когда страдающая русская семья в обстановке какого-то безгласия, духовного упадка распадается окончательно, нет прежнего общинного мира, рассыпается избяной уклад, ибо иссякает, уходит в нети тысячелетний природный опыт, древние предания, этика и эстетика жизни на земле, иссыхают корни, которые и держат в крепости крестьянское древо. Деревня ещё жила, но жилы её уже рвались, больное древо рода с мучительным стоном обрушивалось к земле, предрекая России грядущие несчастья, которые, увы, уже стояли «при дверех». В повести «Последний срок» чувствовалось предсмертное биение сердца, вопль городу, убивающему деревню. Государство своими руками упорно удушало пахаря. Продолжался насильственный генетический отбор нации, когда город уже столетие лучших забирал к себе в услугу, а слабых и стеснённых заботами и невзгодами оставлял на земле, как стадо, недостойное сытой пристойной жизни. И вот тогда писатели и восплакали по уходящей деревне, вострубили в жалостные трубы. Но

когда уже деревня практически ушла, вся Центральная Русь пропала, заросла бурьяном, чертополохом заросла, и не стало нынче ни попечителя, ни страдателя по Руси. И так случилось, что Распутин оказался последним поводырём в настигших Русь угрюмых потёмках, которому всё-таки не удалось во всей полноте сдвинуть Россию в национальный русский путь.

И вот ушёл от нас последний литератор «из русской почвы», откуда появились Абрамов, Солоухин, Носов, Астафьев, Белов, которые много лет волновали русский ум, возбуждали надежды, что всё затеянное в веках непременно случится. Случатся коренные перемены в России, и заботный русский человек среди этого сплава народов почувствует себя именно русским, руководителем, вожатаем, поводырём для всех малых племён, которые объединились неслучайно вокруг русского человека. Да, ничего не бывает вечным, случился закат духовного, религиозного, крестьянского, избяного пути в литературе, государство выстроило ему засеки, утопило в неправдах и повальной лжи.

Закат — явление печальное, но природное, его не отодвинуть; но, как говорят в народе, солнце западает в запад, в глухой угол, но наступает утро, и солнце победно встаёт с востока. Благословенное русское солнце никогда не умирает. И литература, как солнечное, духовное, религиозное явление, никогда не потухнет. Появятся новые имена, новые люди выйдут с захолустьев, с дальних засторонков Руси. Ухоженная земля, если она не в запустении, даёт добрые всходы. Всё-равно появится новое движение, продолжающее прежних учителей. Русская пашня всегда будет родить. Да, сегодня она заросла чертополохом, сосенником, бурьяном, чернолесьем. Пашня не умерла — она просто отдыхает. Но всё равно появится день, когда пройдётся плуг русской правды по всей этой чертополошине, вспорет землю, перевернёт влажным пластом на солнце, и там появятся новые всходы русской литературы, продолжающие дело Валентина Распутина.